

Основные стратегии в женском нарративе, реализующиеся в немецко- и русскоязычных художественных произведениях

Аннотация. Цель статьи – определить нарративные стратегии в женском нарративе на примере двух лингвокультур – немецкой и русскоязычной. В статье рассмотрены понятия «женский нарратив» и «нарратор-женщина». Материалом для исследования послужили тексты немецко- и русскоязычных авторов-женщин, опубликованные в начале XXI столетия. Ведущими методами в изучении данной проблемы выступили метод лингвокультурологического анализа, лингвистического моделирования и интерпретации. Выявленные в ходе исследования нарративные стратегии разделены на Я-Я₁ (стратегии самопрезентации, интроспекции, ретроспекции, пересмотра), Я-ОН (стратегии эмпатии и дистанцирования), Я-ТЫ (стратегия саспенса). На основе проанализированных примеров установлено, что представительницам немецкой культуры важны отношения между разными поколениями, оказывающие влияние на моральные и культурные ценности института семьи. Для представительниц русской лингвокультуры существенно накопление ими жизненного опыта, что репрезентируется в передаче культурных ценностей и традиций следующим поколениям, преодолении физических и моральных трудностей, поиске в себе причин жизненных неудач.

Ключевые слова: нарратив, женский нарратив, нарратор-женщина, лингвокультура, нарративные стратегии.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-678X-2024-147-2-179-191>

Поступила: 10.04.2024; Доработана: 22.04.2024; Одобрена: 19.06.2024; Доступна онлайн: 29.06.2024

Введение (Introduction)

Накопленный к настоящему времени опыт в области исследования нарратива позволяет не только рассматривать проблемы, связанные с языком, интерпретацией и коммуникацией, но и продолжить исследования лингвистических характеристик нарратива с функционально-прагматических позиций. Нарратив в художественной литературе представляет собой соединенные в единое целое слова, образы и события, которые передаются автором читателю в виде повествования. Происходящее описывается в определенный промежуток времени и связано единой кульминацией. Женский нарратив репрезентирует феминного нарратора, ведущего повествование о реальных или вымышленных событиях, разворачивающихся в фиксированной последовательности и важных для женской модели понимания окружающего мира.

Цель исследования – проведение комплексного сравнительно-сопоставительного анализа особенностей женского нарратива в художественных текстах немецко- и русскоязычных авторов-женщин.

Задачами исследования являются выявление особенностей литературного нарратива авторов-женщин, установление специфики реализации стратегий женского нарратива, рассмотрение закономерности литературной коммуникации в рамках немецко- и русскоязычных произведений авторов-женщин.

Методология (Methodology)

В ходе определения языковых характеристик женского нарратива использовались методы лингвистического моделирования и сплошной выборки. В рамках рассмотрения текста нарратива как феномена культуры при выявлении информации в языковом знаке и тексте в целом применяется метод лингвокультурологического анализа. Анализ внутреннего содержания художественных текстов реализовался посредством метода интерпретации.

Проблема женского нарратива в рамках различных лингвокультур не затрагивалась до настоящего времени в сравнительно-сопоставительном качестве, хотя гендерные аспекты нарратива являются предметом достаточно обширного числа как отечественных, так и зарубежных лингвистических исследований.

Для данного исследования особенно важны научные труды, авторы которых рассматривают гендерные аспекты языка, изучают литературный нарратив, сравнивают созданные представителями разных культур тексты, выявляют нарративные стратегии.

Обзор литературы (Literature review)

Феминистская лингвистика берет свое начало с Нового женского движения, возникшего в 1968 г. на волне студенческой революции, и формируется на социальном неравенстве между полами и акцентировании внимания общества на дискриминацию женщин. В 80-е гг. XX столетия утверждалось понимание гендера как проблемы исследования женственности и мужественности. На рубеже XX-XXI столетий модель человека начала мощную трансформацию, что вызвало неоднозначную реакцию общества [1, с. 7-11].

Гендер и повествование являются ключевыми элементами в процессе создания смысла, влияющими друг на друга. Р. Фивуш и А. Грисман утверждают, что нарративы и гендер представляют собой взаимосвязанные системы, где нарративы формируются через гендерные представления, а гендер, в свою очередь, определяется через нарративы, что подчеркивает культурное опосредование этих понятий [15, с. 1].

В настоящее время к гендерному аспекту обращалась А.И. Попова в рамках исследования прагматических маркеров в метакоммуникации [2, с. 40]. Л.В. Клименко и О.Ю. Посухова затрагивают проблему гендерного подхода в профессиональной сфере [3, с. 27] и др.

Структура и семантика современного нарратива являлись проблемой изучения К.А. Андреевой [4, с. 119]. Нарратив в историческом познании проанализировал Н.В. Сыров [5, с. 113]. К поколенческому нарративу в критике нового реализма обращалась Ж. Калафатич [6, с. 250]. Е.С. Моштылева изучила модели наррации в современной русскоязычной интернет-коммуникации [7, с. 23] и др.

Язык позволяет личному высказыванию быть значимым и существенным. Проблема литературного нарратива рассматривается как стратегия текстопорождения, в которой ключевыми моментами являются языковое оформление текста, наличие смысловых позиций, взглядов и убеждений, обращение к культурно-историческим ценностям. Взаимодействие субъектов в поле текста на уровне литературно-художественной коммуникации возможно при «совпадении интерпретационных ожиданий автора и индуцируемых текстом ассоциаций читателя» [8, с. 282]. Г.И. Лушникова и Т.Ю. Осадчая подняли вопрос о фрагментарности современного художественного нарратива [9, с. 226].

А.М. Жакулаев утверждает, что в литературоведении значительное внимание уделяется исследованию нарратива и нарратора, поскольку категория нарратива обладает сложной и разнообразной природой, а способы передачи содержания в художественном тексте варьируются. Нарратология как научная дисциплина фокусируется на специфике изложения историй в художественных произведениях, анализируя функции, пути передачи и уникальные особенности нарративных структур. Исследование тесной взаимосвязи истории и рассказчика демонстрирует, что нарратор играет ключевую роль в формировании и передаче исторического дискурса в рамках художественного текста [10, с. 113]. А. Кузьмикова исследует нарратив в рамках вербального и прямого присутствия читателя в процессе чтения, его спонтанной реакции на сенсомоторные качества, вызываемые литературным повествованием [16, с. 191]. По мнению Р. Баумайстер и М. Лири, обзоры повествовательной литературы играют важную роль в научных исследованиях, но существует мало ресурсов, которые обучают их написанию. В отличие от эмпирических отчетов, обзоры литературы позволяют рассматривать более широкие и абстрактные вопросы, теоретизировать с меньшей зависимостью от случайностей, убедительно аргументировать нулевые гипотезы и лучше использовать методологическое разнообразие [13, с. 311].

Е.Е. Виллерт рассмотрела женский нарратив в радиоспектакле [11, с. 69]. Д.Г. Качанов обращается к проблеме мультимедийного журналистского нарратива и рассматривает его как коммуникативную технику, с помощью которой происходит передача информации [12, с. 26] и др.

Нарративные стратегии – это прежде всего коммуникативные стратегии, способствующие общению имплицитного автора с читателем, они представляют собой модель ожидания, понимания и особую организационную трансформацию [14, с. 85]. Каждое литературное произведение возможно проанализировать при помощи гибридных стратегий, выделяя основные составляющие литературного текста [17, с. 1]. Особый научный интерес представляют нарративные стратегии в процессе коммуникации между разными субъектами [18, с. 2012] и нарративные стратегии в художественной литературе [19, с. 85].

Резюмируя вышесказанное, предполагаем, что целью нарративных стратегий является ретроспекция событийного опыта, который рассказчик передает читателю, т. е. происходит коммуникация между рассказчиком и читателем.

Материалом для настоящего исследования послужили тексты современных художественных произведений русско- и немецкоязычных авторов-женщин, получившие литературные награды за лучшее прозаическое произведение, уникальный стиль и новаторство: Kerstin Gier „Für jede Lösung ein Problem“ (2007); „Ein unmoralisches Sonderangebot“ (2014); Ulrike Draesner „Eine Frau wird älter“ (2018); „Kolonien der Liebe“ (2005); Elke Heidenreich „Männer in Kamelhaarmänteln“ (2020); А. Вечериной «Исповедь мотылька» (2021); М.М. Степановой «Памяти памяти. Романс» (2017); Т.А. Черемновой «Трава, пробившая асфальт» (2011); Е.С. Чижовой «Время женщин» (2009); «Город, написанный по памяти» (2019).

Письменный текст создан посредством языкового кода определенной языковой личности; текст автора литературного произведения предназначен для другой языковой личности – читателя, воспринимающего созданный текст.

Нарратив литературного героя представляет собой повествование, созданное автором и складывающееся из множества взаимосвязанных событий с его прямым или косвенным участием. Литературный нарратив является своего рода носителем и накопителем информации, который способствует формированию и формулированию новых идей.

В отличие от общепринятого понимания нарратива, женский нарратив проявляется иначе в психологическом, коммуникативном и языковом аспектах, что объясняется мировосприятием феминного нарратора окружающей действительности.

Исходя из проблематики излагаемой ситуации, культурной составляющей и желания женщины допустить третье лицо в свое личное пространство, женский нарратив отличается

эмоциональностью и экспрессивностью. Смысловая наполненность женского нарратива связана с достижением конкретного результата и попыткой вызвать у собеседника или читателя реакции, соответствующей сложившейся ситуации.

Женский литературный нарратив – это коммуникация особого типа, осуществляющаяся между повествователем и читателем; образ нарратор-женщины – представительницы определенной лингвокультуры – воспринимается читателем через ее внутренний феминный мир, в котором отражены и существенны произошедшие в ее жизни и жизни других события.

Результаты и Обсуждение (Findings/Discussion)

В ходе анализа вышеупомянутых немецко- и русскоязычных художественных произведений нами были выявлены стратегии самопрезентации, эмпатии, дистанцирования, интроспекции, ретроспекции, пересмотра и саспенса.

Учитывая схожесть выражения чувств у всех людей, мы предлагаем сохранить в нарративе женщин общие наименования стратегий для немецко- и русскоязычных произведений, что дает нам возможность разделить стратегии на следующие категории: 1) Я-Я₁ – нарратор говорит об отношении к себе самому; Я-ТЫ – нарратор демонстрирует свое расположение к коллективному читателю/адресату (стратегии самопрезентации, интроспекции, ретроспекции, пересмотра); 2) Я-ОН – нарратор выражает свою позицию по отношению к другим персонажам (стратегии эмпатии и дистанцирования); 3) Я-ТЫ – нарратор оценивает коллективного читателя/адресата (стратегия саспенса). Следует уточнить, что Я выступает в роли рассказчика, ОН – персонажа, ТЫ – адресата.

Я-Я₁ – замкнутая на одном субъекте коммуникация, в которой совпадают адресант и адресат сообщения, т.е. происходит автокоммуникация. В результате такого рода коммуникации у человека меняется сознание, и он уже не Я, а Я₁. Нарратор в данном случае является лирическим субъектом с минимальной дистанцией между ним и объектом описания.

В категориях стратегий Я-Я₁ и Я-ТЫ наблюдается не только внутренняя, но и внешняя перспектива. Здесь нарратор является одновременно лирическим субъектом и рассказчиком, он коммуницирует не только с самим собой, но и с читателями, выступающими в роли коллективного адресата.

Самая большая дистанция между нарратором и объектом описания наблюдается в Я-ОН, где существенна внешняя перспектива и в зависимости от ситуации одно из авторских проявлений может выходить на передний план.

Преобладание внешней перспективы и отход лирического субъекта на задний план прослеживаются в Я-ТЫ, где нарратору необходимо так рассказать историю, чтобы привлечь внимание читателя.

С целью исследования литературного нарратива и выделения для дальнейшего анализа отдельных нарративов из общего литературного текста, за единицу измерения был принят нарративный блок, предложенный К.А. Андреевой [4, с. 119-122]. Для выявления особенностей женского нарратива в рамках немецко- и русскоязычных литературных произведений нами было рассмотрено 326 нарративных блоков (158 – в немецком языке и 168 – в русском языке), реализованных в вышеупомянутых 7 видах стратегий.

Стратегии самопрезентации (22,1%) и интроспекции (18,4%) оказались самыми частотными и составляют в общей сложности 40,5%. Данные стратегии позволяют получить информацию об основных фактах из личной и профессиональной жизни нарратора или третьего лица, презентуемого нарратором читателю. Остальные 59,5% от общего количества по убыванию занимают стратегии ретроспекции (14,7%), эмпатии (14,4%), пересмотра (13,8%), дистанцирования (11,7%) и саспенса (4,9%). Исходя из полученных результатов, можем предположить, что женщина в нарративе позволяет себе чаще говорить о других – 44,5% (стратегии интроспекции – 18,4%, дистанцирования – 11,7%, эмпатии – 14,4%), нежели о себе (стратегия самопрезентации – 22,1%).

Рассмотренные в рамках анализируемых примеров с учетом их лингвистических средств и прагматического значения стратегии не могут распространяться на всех представительниц немецкой или русской лингвокультуры без исключения.

Применяя стратегию самопрезентации нарратор заявляет о себе как о многогранной личности с положительными и отрицательными сторонами характера, для которой существенно отношение с окружающими, умение представлять себя обществу с целью достижения гармонии в личной и профессиональной среде.

Согласно полученным результатам, немецкоязычный нарратор более активен при презентации себя третьим лицам, что находит отражение в 26,6% от общего количества проанализированных примеров. Для представительницы русскоязычной культуры характерны семейные ценности – воспитание детей и поддержка пожилых людей, что составило 17,8%.

В немецкоязычных произведениях к лингвистическим средствам относим прежде всего презенс и обнаруживает следующую направленность: Я-Я₁ и Я-Ты. Отношение читателя к нарратору складывается из описания его внутренних и внешних качеств и самоиронии: «Es tut mir ja auch ehrlich leid, dass ich dich bis jetzt immer nur *enttäuscht habe*. Schon bei meiner Geburt, als du merktest, dass ich *kein Gerd, sondern eine Gerda* war. Und dann, weil ich *brünett* statt *blond* war» [20, 25 S.] – «Мне искренне жаль, что я всегда тебя *разочаровывала*. При моем рождении, когда ты заметил, что я не *Герд*, а *Герда*. И ко всему, я была *брюнеткой*, а не *блондинкой*» (перевод наш – Я.З.). Маркерами самопрезентации могут также быть притяжательное местоимение (*mein* – мой) и личное местоимение (*ich* – я): «*Meine* Schwestern allerdings waren mit ähnlich unattraktiven Namen behaftet wie *ich*» [20, 10 S.] – «Однако у *моих* сестер были такие же непривлекательные имена, как и у *меня*» (перевод наш – Я.З.).

В русскоязычных произведениях в характеристике нарратора мы отмечаем присутствие нейтральной и отрицательной лексики: «*Плохо, думаю*. Последнее время совсем *будто мертвая*. *Хожу, делаю*, а *внутри пусто*... Зима больно тянется. Прямо не дожить до лета...» [21]. Как видно из примера, при описании происходящего также используется настоящее время (*думаю, хожу, делаю*).

Помимо персонификации себя самой и демонстрирования интереса в отношении других, нарратор-женщина пытается углубиться в свои мысли, переживания, чувства и образы. Такого рода самонаблюдение проявляется в стратегии интроспекции, что составляет 17,7% для представительницы немецкоязычной культуры и для русскоязычного нарратора, несколько выше – 19%. Признаками стратегии, прежде всего, являются рассуждение, саморефлексивность, выраженная в поиске себя и самокритике.

Для стратегии интроспекции характерны следующие лингвистические средства: внутренний монолог, демонстрирующий процесс размышления – для немецкоязычного нарратора: «Ich habe Dein Tagebuch gefunden, von 1959, da warst Du sechzehn Jahre alt ... Es sind mehr als sechzig Jahre vergangen seitdem, und ich sehe auf Dich zurück mit Wehmut: Wie hast Du Dich *gequält, gesucht, gefragt!* Wie schwer hast Du die Liebe, hast Du *alles genommen!* Du warst kein lustiges Mädchen» [22, 19 S.] – «Я нашла твой дневник 1959 года, когда тебе было шестнадцать лет... С тех пор прошло больше шестидесяти лет, и я с грустью оглядываюсь на тебя: как ты себя *мучила, искала, просила!* Как трудно тебе было любить, тебе *доставалось!* Ты не была веселой девочкой» (перевод наш – Я.З.). Для русскоязычного нарратора характерно использование эмоционально-экспрессивной лексики: «Не каждый день узнаешь, что скоро в свет выйдет повесть, где тебя расписывают *мерзавкой*, а твои похождения приводят в качестве *примера отвратительности*» [23].

Следует отметить, что эмоциональный эффект, заложенный в стратегии интроспекции, может быть выражен как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях. Наличие неполных (односоставных) предложений, чаще эллиптических, указывает на ограничение нарратором своих коммуникативных потребностей. Вопросительные предложения дают возможность нарратору получить дополнительную информацию. Незаконченные

предложения позволяют быстро выразить мысль или составить план дальнейших действий. Предложения с нарушением синтаксической структуры демонстрируют отсутствие у нарратора необходимой или точной информации, которую он восполняет через поиск подходящего слова или выражения.

Обращаясь к прошлому, нарратор вспоминает ключевые моменты в своей жизни, которые находят отражение в стратегии ретроспекции – 13,3% в немецкоязычных произведениях и 16,1% – в русскоязычных произведениях.

Для представительницы немецкоязычной культуры признаками стратегии являются оценивание положительных и отрицательных событий, значимых для нарратора, для русскоязычного – это ностальгические воспоминания, в которых прослеживается сожаление по поводу невозможности и необратимости.

Лингвистическими средствами выражения стратегии ретроспекции является грамматическая категория пространственно-временной неразрывности, состоящая из фактов во времени и пространстве, из которых произошедшие события складываются в определенную последовательность. Для немецкоязычных произведений – это относительное употребление времен (плюсквамперфект (претерит + плюсквамперфект): «Ich *hatte* keine besonders gute Erinnerung an dieses Treffen, deshalb *hatte* ich Patrick zunächst auch ziemlich entgeistert *angestarrt*» [20, 11 S.], претерит: «Ich *stand* nackt vor meinem Kleiderschrank und *wusste* nicht, was ich anziehen *sollte*» [24, 12 S.], перфект (претерит + перфект): «Ich *war* immer der Ansicht, dass ich mich nicht krumm *gelegt habe*, ...» [24, 8-9 S.], кондиционалис 2: «*Würde* er dann nicht mit der Nase darauf *gestoßen*» (опущен вспомогательный глагол *sein* (würde gestoßen sein)) [24, 96 S.].

Индексами стратегии ретроспекции являются также повторяющиеся события (например: *jeden Tag* – каждый день, *immer* – всегда), наречия времени (*jetzt* – сейчас, *seitdem* – с тех пор); выражения, указывающие на удаленность событий во времени (*zwei Jahre später* – спустя два года, *vor zehn Jahren* – десять лет назад, *aus dem vorigen Jahrhundert* – из прошлого века); перечисление увеличивающихся числовых показателей возраста: «Ich *war* 37 geworden, *hatte* geheiratet, ich *war* 40 geworden, wir *hatten* gefeiert, ich *war* 47, wir *versorgten* ein dreijähriges Kind, ich *wurde* 49 und machte kein Geheimnis daraus ...» [25, 7-8 S.].

В русскоязычных произведениях имеют место наречия и выражения, указывающие на завершённое действие (*уже*); события в прошлом (*когда*, *тогда*, *когда-то*, *впоследствии*); предшествование (*за год до (этого)*, *до ...*).

Словосочетание «зрелый возраст» (настоящее) и существительное «детство» (прошлое) репрезентируют читателю жизненный период нарратора: «Сегодня, в зрелом возрасте, я, конечно, вижу свое *детство* все в другом ракурсе ...» [25].

Парный союз «не только (не только) ... но и» является примером устаревшей лексики: «утопить в веселом и пьяном омуте *не только* тоску по «красивой благородной жизни», *но и ...*» [27].

Переосмысление и изменение решения нарратором-женщиной отражается в стратегии пересмотра с 10,8% для представительницы немецкоязычной культуры и 16,7% – для русскоязычного нарратора.

Стратегия пересмотра в немецкоязычных произведениях выражается посредством следующих лингвистических средств: оценочной лексики с положительной и отрицательной оценкой и лексикой, позволяющей проследить процесс обдумываний и принятия решения. Нарратор в своем повествовании выделяет важные для него аспекты через сравнение (*aber wenn, als*), объясняет предпочтение одного явления другому (*oder*). Отношение рассказчика к действию и оценка действия демонстрируется посредством различных видов модальности (интенциональной: *wollen*, потенциальной: *können*, гипотетической: *würde* + инфинитив: «*wenn sie ihn in Amerika treffen würde, ...*» [28, 17 S.], дебитивной: *müssen, sollen, haben + zu + инфинитив*: «Tine *hatte* noch am wenigsten über ihren Namen *zu meckern, ...*» [20, 10 S.]).

Свои сомнения нарратор передает через модальные слова: *eigentlich* – собственно (говоря); *kaum* – едва; *ebenfalls* – также и оттеночные частицы: *doch, denn, nur, gar*.

Демонстрация повторяющегося действия возможна посредством наречия *wieder* – снова, указание на определенные отличия от чего-либо осуществляется наречием *anders* – другой. Личное местоимение *ich* – я и местоимение *wir* – мы показывают противопоставление себя (нарратора) другим (третьим лицам).

В примерах из русскоязычных произведений присутствует пейоративная и мелиоративная оценка по отношению к внутренним и внешним качествам человека: «Есть среди них *рыцари* и *подлецы*, *романтики* и *циники*, *герои* и *негодяи*» [23].

Для противопоставления предшествующей информации нарратор использует союз «но». Отказ от противостояния и попытка прийти к определенному соглашению демонстрируется нарратором при помощи использования уступительного союза «хотя»: «Хотя ко мне, резвой и активной, определение «больной ребенок» никак не подходило» [26]. Усиление отрицания передается посредством частицы *ни* (в составе союза *ни ... ни*): «От тех вечеров при свете старых фотографий не осталось *ни дат, ни данных, ни даже простого пунктира* родственных связей» [29].

Сравнение делает возможным сопоставление нескольких разных взглядов на происходящее.

Посредством стратегий эмпатии и дистанцирования женщина может не только представлять себя окружающим, но и оценивать находящихся в ее поле зрения лиц, давая им положительную или отрицательную характеристику.

Умение сочувствовать, считывать внутреннее состояние другого человека демонстрируется нарратором в стратегии эмпатии. Соизмерение собственного эмоционального состояния с состоянием третьего лица дает возможность нарратору предугадать действие героев, понять их мысли, чувства и намерения.

В примерах в немецкоязычных произведениях стратегия эмпатии используется нарратором относительно вопросов доверия, выражения чувств тревоги и беспокойства и составляет 17,1%. У русскоязычного нарратора, внимание которого обращено на душевное и физическое состояние его близких, процент использования стратегии несколько ниже – 11,9%.

В немецкоязычных произведениях лингвистическими средствами выражения стратегии эмпатии является, прежде всего, личное местоимение «*wir* – мы». Нарратор, выражая симпатию по отношению к третьему лицу, использует лексику с положительной оценкой. На совместные действия может указывать ряд глаголов: «... *wir verstanden uns vom ersten Tag an. Wir konnten über alles miteinander reden, über das Leben und die Liebe, ...*» [28, 13 S.] – «мы с первого взгляда *поняли друг друга*. Мы могли *говорить друг с другом обо всем* на свете: о жизни и о любви, ...» [30].

В русскоязычных произведениях в примерах используются местоимения «мы», «наши», «у нас», «все», «всем»: «Подростками *мы* становимся, но вот мечты *наши* почему-то не сбываются» [23]. Демонстрирование нарратором восприятия и позитивного принятия реальности возможно через использование лексики с положительной оценкой. Истинный смысл происходящего может скрываться за ироничными высказываниями в чей-либо адрес.

Признаками стратегии эмпатии являются личная заинтересованность и расположенность, чувство поддержки в рамках ребенок – родители, присутствие общих интересов у ровесников в немецкоязычных произведениях и внешняя привлекательность, чувство сострадания, доброжелательное отношение к окружающим – в русскоязычных.

Стратегия дистанцирования проявляется у женщины вследствие несоответствия поступков окружающих с ее собственными представлениями или она сама не может объяснить причину своего негативного отношения к третьему лицу и дистанцируется от него интуитивно. Представительница в немецкоязычной культуре (10,1%) критикует окружающих меньше, чем нарратор в русскоязычных произведениях (13,1%).

Лингвистическими средствами выражения данной стратегии для немецкоязычных произведений являются: противительный союз «aber», неопределенное местоимение «jemand – кто-нибудь, кто-то», номинация с приставкой ex-: «Ulrich war mein *Exfreund*, ...» [20, 32 S.] – «Ульрих – мой *бывший жених*, ...» [31].

Нарратор оценивает происходящее как «правильно – неправильно» и использует лексику, выражающую его эмоциональное состояние.

В русскоязычных произведениях используются наречие «почти» (мера или степень), противительный союз «но»: «*Но я буду непреклонна!*» [23].

Признаками для русскоязычных произведений являются описание общества с низкими моральными качествами, где имеет место предательство близких людей, и ожидания оказываются часто обманчивыми.

Недостаточное внимание, отсутствие общих взглядов, взаимопонимания и поддержки характерно для немецкоязычного нарратора.

Женщину интересуют тайны, способные вызвать тревогу и любопытство, что отражается в стратегии саспенса как особом способе привлечения внимания читателя к происходящему в нарративе – 4,4% для немецкоязычных произведений и 5,4% примеров для русскоязычных произведений.

Максимальную вовлеченность читателя (адресата) в происходящее автор вызывает посредством ряда приемов, которые вызывают у читателя интерес к герою, самой описываемой ситуации или истории и создают эффект удивления у читателя. В речи нарратора присутствует чувство страха: «*Stephan fasste sich an die Kehle*» [24, 79 S.] – «Штефан изрядно *испугался*» [32]. Во фразеологизме «*sich an die Kehle fassen*» – испугаться, дословно – «схватиться за горло», персонаж показан человеком с высоким уровнем тревожности.

Лингвистическими средствами выражения данной стратегии для немецкоязычных произведений являются союз «oder – или, либо»; стальные глаголы и выражения, указывающие на мыслительные процессы, например: *bedenklich sein* – быть задумчивым, *sich erinnern* – вспоминать, *sich Gedanken machen über Akk.* – задуматься над чем-то.

Риторические вопросы, аллюзии, оценочная лексика, противопоставление делают речь нарратора яркой и выразительной.

Для русскоязычных произведений характерны наречия образа и способа действия «вдруг», наречия времени «однажды», неопределенного наречия «что-то»: «*Однажды* мама *вдруг* показала мне, пятнадцатилетней, вещь...» [29]. Словесную образность повествования создают перечисления и эмоционально-экспрессивная лексика.

Признаками стратегии для немецкоязычных произведений являются анализ моды как совокупности вкуса привычек и ценностей, для русскоязычных произведений – истории предков и упоминание социального происхождения.

Заключение (Conclusion)

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

Женский нарратив является реализацией феминной самоидентификации нарратора-женщины, что находит свое выражение в преобладании нарративных стратегий самопрезентации и интроспекции, совпадающие в обеих лингвокультурах.

В женском нарративе особенности литературной коммуникации проявляются в немецкоязычном лингвокультурном пространстве в акцентировании межличностных отношений между разными поколениями, а также ориентировании на моральные и культурные ценности. В русскоязычном пространстве нарратор акцентирует внимание читателя на преодолении физических и моральных трудностей, передаче культурных ценностей следующим поколениям и поиске в себе причин сложившихся кризисных ситуаций.

Авторы-женщины передают особенности взглядов на жизнь и собственное мировосприятие, которые могут быть выработаны только женщинами. Сюда относятся не все тексты, написанные женщинами. Из чего следует, что для написания женской

литературы быть женщиной недостаточно. Одним из основных критериев женственности в женском нарративе является понимание читателя-женщины, насколько автор-женщина отождествляет себя с женщиной и показывает ее природу.

Поставленные цели, направленные на достижение ожидаемого результата, оказывают влияние на содержание нарратива феминного нарратора. В отношении к явлениям культуры и окружающим проявляется культурная картина мира носительницы определенного языка. Для немецкоязычного нарратора важны семейные ценности, внутреннее понимание самой себя, оценивание поведения окружающих и замена реального мира на мир фантазий. Смысловая наполненность представительницы русской лингвокультуры складывается из сложных исторических этапов, становления нарратора как личности, общения с окружающими.

Принимая во внимание то, что нарратив является повествованием о прошлом, особый интерес вызывают временные формы, которые могут служить своего рода переключателями с одного временного плана на другой. В ходе исследования установлено, что категории времени и модальности (потенциальной, дебитивной, интенциональной, гипотетической) чаще имеют место в нарративах немецкоязычного нарратора. Временные формы претерит, перфект и плюсквамперфект указывают на событие в прошлом. Модальность также реализуется разговорной и оценочной лексикой, оттеночными частицами, модальными глаголами и модальными словами. Аллюзии помогают немецкоязычному нарратору объединить все части текста в единое целое. Противопоставления, лексические повторы и перечисления репрезентируют нарратив представительницы немецкоязычной культуры.

Для текстов русскоязычного нарратора также характерно использование категории времени и модальности, которая в большинстве случаев отражена в использовании вводных слов и вводных конструкций. Прошедшее время глаголов указывает на свершившееся событие. Показателями прошедшего времени могут выступать лексические индикаторы (прежде, тогда и т.д.). Суждения нарратора выражают эмоционально экспрессивная лексика и оценочные прилагательные. Нарратор сопоставляет разные действия, явления и предметы используя сравнения. Клишированные выражения свидетельствуют о поиске нарратором оптимальных решений и попытке воздействия на читателя. Средствами выразительности речи выступают фразеологизмы, делающие речь нарратора образной и экспрессивной.

Список литературы

1. Кирилина А.В., Гаранович М.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации: коллективная монография. – М.: Издательский Дом ЯСК. – 2022. – С. 7-59.
2. Попова Т.И. Прагматические маркеры метакоммуникации: гендерный аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2021. – Т. 13, – № 3, – С. 40-50.
3. Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Гендерные особенности профессиональной идентичности врачей в медицинских династиях // Социодинамика. – 2021. – № 9. – С. 27-38.
4. Андреева К.А. Маргинальные формы организации структуры и семантики современного нарратива // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 118-123.
5. Сыров В.Н. Нарратив в историческом познании // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4(3). – С. 113-135.
6. Калафатич Ж. Поколенческий нарратив в критике нового реализма // Slavika. Институт славистики Дебреценского университета. – 2021. – Т. 50. – С. 250-261.
7. Моштылева Е.С. Модели наррации в современной русскоязычной интернет-коммуникации: лингвопрагматический и лингвостилистический анализ: дис. .... канд. филол. наук: 10.02.01 / Екатерина Сергеевна Моштылева. – Нижний Новгород, 2021. – 190 с.
8. Андреева К.А. Маргинальные формы организации структуры и семантики современного нарратива // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 118-123.

9. Лушникова Г.И., Осадчая Т.Ю. Фрагментарность современного художественного нарратива (на материале англоязычной прозы) // Научный диалог. – 2021. – № 6. – С. 225-239.
10. Жакулаев А.М., Такиров С.У., Мингазова Л.И. Нарратив и исторический дискурс // Керуен. Научный журнал Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова. – 2023. – Т. 78 (1). – С. 112-122.
11. Виллерт Е.Е. Проблема женского нарратива в немецком биографическом радиоспектакле // Музыкальный альманах Томского государственного университета. – 2020. – № 9. – С. 69-86.
12. Качанов Д.Г. Мультимедийный журналистский нарратив: к определению понятия // Медиа альманах. – 2021. – № 3. – С. 20-19.
13. Baumeister R., Leary M. Writing Narrative Literature Reviews // Review of General Psychology. – 1997. – № 1(3). – P. 311-320.
14. Fischer-Appelt B., Dernbach R. Exploring narrative strategy: the role of narratives in the strategic positioning of organizational change // The European Journal of Science Research. – 2022. – P. 85-95.
15. Fivush R., Grysman A. Narrative and gender as mutually constituted meaning-making system // Memory, Mind & Media. – 2022. – № 1, e2. – P. 1-14.
16. Kuzmicova A. The words and worlds of literary narrative: The trade-off between verbal presence and direct presence in the activity of reading // Stories and Minds: Cognitive Approaches to Literary Narrative. – 2013. – С. 191-231.
17. Turnbull D., Chugh R., Luck J. Systematic-narrative hybrid literature review: A strategy for integrating a concise methodology into a manuscript // Social Sciences & Humanities Open. – 2023. – № 7. – P. 1-4.
18. Welte J.-B., Badot O., Hetzel P. The narrative strategies of retail spaces: a semio-ethnographic approach // European Journal of Marketing. – 2021. – № 55(7). – P. 2012-2036.
19. Данилова Н.К. Нарративные стратегии в немецкоязычной малой прозе // Эволюция и трансформация дискурса. – Самара: Самарский университет, 2022. – № 7. – С. 85-94.
20. Gier K. Für jede Lösung ein Problem. – Bastei Lübbe, 2007. – 304 s.
21. Чижова Е.С. Время женщин. – СПб.: Астрель, 2009. – 352 с.
22. Heidenreich E. Männer in Kamelhaarmänteln. – Carl Hanser Verlag GmbH & Co. KG, 2020. – 224 s.
23. Вечерина А. Исповедь мотылька. [Электронный ресурс] – 2021. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=267393&p=108> (дата обращения: 12.02.2024).
24. Gier K. Ein unmoralisches Sonderangebot. – Bastei Lübbe, 2014. – 432 s.
25. Draesner U. Eine Frau wird älter. – Penguin Verlag, 2018. – 208 s.
26. Черемнова Т.А. Трава, пробившая асфальт. [Электронный ресурс] – 2011. – URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=93911> (дата обращения: 10.02.24).
27. Чижова Е.С. Город, написанный по памяти. [Электронный ресурс] – 2019. – URL: http://loverad.ec/read_book.php?id=80391&p=1 (дата обращения: 06.02.24).
28. Heidenreich E. Kolonien der Liebe. – Rowohlt Taschenbuch, 2005. – 176 s.
29. Степанова М.М. Памяти памяти. Романс. [Электронный ресурс] – 2017. – URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=79662&p=1 (дата обращения: 14.02.24).
30. Хайденрайх Э. Колонии любви. [Электронный ресурс] – 2002. – URL: <https://libking.ru/books/prose-/prosecontemporary/378637-elke-haydenrayh-kolonii-lyubvi-sbornik-rasskazov.html#book> (дата обращения: 01.03.24).
31. Гир К. Непристойное предложение. [Электронный ресурс] – 2006. – URL: <https://knizhnik.org/kerstin-gir/nepriстойное-predlozhenie/1> (дата обращения: 10.03.24).
32. Гир К. Я сказала правду. [Электронный ресурс] – 2010. – URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=15796&p=1 (дата обращения: 17.03.24).

Я.В. Зубенко

Ахмет Байтұрсынұлы атындағы Қостанай өңірлік университеті, Қостанай, Қазақстан

Неміс және орыс тіліндегі көркем шығармаларда жүзеге асырылатын әйелдер әңгімесіндегі негізгі стратегиялар

Аңдатпа. Мақаланың мақсаты – екі тілдік мәдениет – неміс және орыс тілдерін мысалға ала отырып, әйелдер әңгімесіндегі баяндау стратегияларын анықтау. Мақалада «әйел баяндау» және «әйел баяндауыш» ұғымдары қарастырылады. Зерттеуге арналған материал 21 ғасырдың басында жарияланған неміс және орыс тілді әйел авторлардың мәтіндері болды. Бұл мәселені зерттеудегі жетекші әдістер лингвомәдени талдау, лингвистикалық модельдеу және интерпретация әдісі болды. Зерттеу барысында анықталған баяндау стратегиялары Мен-Мен₁ (өзін-өзі таныстыру, интроспекция, ретроспекция, қайта қарау стратегиялары), Мен-Ол (эмпатия және қашықтық стратегиялары), Мен-Сіз (күту стратегиясы) болып бөлінеді. Талданған мысалдар негізінде неміс мәдениетінің өкілдері үшін отбасы институтының моральдық және мәдени құндылықтарына әсер ететін әртүрлі ұрпақтар арасындағы қарым-қатынас маңызды екені анықталды. Орыс тіл мәдениетінің өкілдері үшін мәдени құндылықтар мен дәстүрлерді кейінгі ұрпаққа беруде, физикалық және моральдық қиындықтарды жеңуде және сәтсіздіктердің себептерін өз ішінде іздеуде бейнеленетін өмірлік тәжірибені жинақтау маңызды.

Түйін сөздер: баяндау, әйел баяндау, әйел баяндауыш, лингвистикалық мәдениет, баяндау стратегиялары

Ya.V. Zubenko

Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University, Kostanay, Kazakhstan

Basic strategies in women's narrative, implemented in German and Russian fiction

Abstract. The purpose of the current paper is to determine narrative strategies in women's narrative based on the examples from two linguistic cultures – German and Russian. The article deals with the concepts of “female narrative” and “female narrator”. The study considered the texts of German and Russian female authors published at the beginning of the 21st century. Research methods included linguistic and cultural analysis, linguistic modeling and interpretation. The narrative strategies identified during the study were divided into I-I₁ (strategies of self-presentation, introspection, retrospection, revision), I-THE OTHER (strategies of empathy and distance), I-YOU (suspense strategy). It was established that for representatives of German culture, relations between different generations influencing moral and cultural values of the family as a social institution are important, whereas for representatives of Russian linguistic culture accumulation of life experience, represented in the transfer of cultural values and traditions to subsequent generations, overcoming physical and moral difficulties, and searching reasons for failures in life from within are relevant.

Keywords: narrative, female narrative, female narrator, linguistic culture, narrative strategies.

References

1. Kirilina A.V., Garanovich M.V. Gender i gendernaya lingvistika na rubezhe tret'ego tysyacheletiya [Gender and gender linguistics at the turn of the third millennium]. Gendernye aspekty yazyka, soznaniya i kommunikacii: kollektivnaya monografiya [Gender aspects of language, consciousness and communication: collective monograph] (Moscow, 2022, P. 7-59). [in Russian]
2. Popova T.I. Pragmaticheskie markery metakommunikacii: gendernyj aspekt [Pragmatic markers of metacommunication: gender aspect], Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya [Vestnik of Perm University. Russian and foreign philology], 13(3), 40-50 (2021). [in Russian]
3. Klimenko L.V., Posuhova O.Yu. Gendernye osobennosti professional'noj identichnosti vrachej v medicinskih dinastiayah [Gender Features of the Professional Identity of Physicians in Medical Dynasties], Sociodinamika [Sociodynamics], 9, 27-38 (2021). [in Russian]

4. Andreeva K.A. Marginal'nye formy organizatsii struktury i semantiki sovremennogo narrativa [Marginal forms of organization of the structure and semantics of modern narrative], Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Tyumen State University], (4), 118-123 (2006). [in Russian]
5. Syrov V.N. Narrativ v istoricheskom poznanii [Narrative in historical knowledge], Filosofiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of Higher School of Economics], 4(3), 113-135 (2020). [in Russian]
6. Kalafatich Zh. Pokolencheskij narrativ v kritike novogo realizma [Generational narrative in the critique of new realism]. Slavika. Institut slavistiki Debrecenskogo universiteta [Slavika. Institute of Slavic Studies, the University of Debrecen], 50, 250-261 (2021). [in Russian]
7. Moshtyleva E.S. Modeli narratsii v sovremennoj russkoyazychnoj internet-kommunikatsii: lingvopragmaticheskij i lingvostilisticheskij analiz [Models of narration in modern Russian-language Internet communication: linguopragmatic and linguo-stylistic analysis], Dissertatsiya na soiskanie nauchnoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk [Dissertation for a Candidate Degree in Philological Sciences], (the University of Nizhny Novgorod, 2021, 190 p.). [in Russian]
8. Andreeva V.A. Literaturnyj narrativ: zona formirovaniya smyslov: monografiya [Literary narrative: the zone of meaning formation: monograph]. (Buk, Kazan, 2019, 320 p.). [in Russian]
9. Lushnikova G.I., Osadchaya T.Yu. Fragmentarnost' sovremennogo hudozhestvennogo narrativa (na materiale angloyazychnoj prozy) [Fragmentation of modern artistic narrative (English-language prose)], Nauchnyj dialog [Scientific dialogue], 6, 225-239 (2021). [in Russian]
10. Zhakulaev A.M., Takirov S.U., Mingazova L.I. Narrativ i istoricheskij diskurs [Narrative and historical discourse], Keruen. Nauchnyj zhurnal [Keruen. Science Magazine], (the Institute of Literature and Art named after M.O. Auezova), 78(1), 112-122 (2023). [in Russian]
11. Villert E.E. Problema zhenskogo narrativa v nemeckom biograficheskom radiospektakle [The problem of women's narrative in a German biographical radio play], Muzykal'nyj al'manah Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Musical almanac of Tomsk State University], 9, 69-86 (2020). [in Russian]
12. Kachanov D.G. Mul'timedijnyj zhurnalistskij narrativ: k opredeleniyu ponyatiya [Multimedia journalistic narrative: towards a definition of the concept], Media al'manah [Media almanac], 3, 20-29 (2021). [in Russian]
13. Baumeister R., Leary M. Writing Narrative Literature Reviews, Review of General Psychology, 1(3), 311-320 (1997).
14. Fischer-Appelt B., Dernbach R. Exploring narrative strategy: the role of narratives in the strategic positioning of organizational change, The European Journal of Science Research, 36(2), 85-95 (2022).
15. Fivush R., Grysman A. Narrative and gender as mutually constituted meaning-making system, Memory, Mind & Media, 1, e2, 1-14 (2022).
16. Kuzmicova A. The words and worlds of literary narrative: The trade-off between verbal presence and direct presence in the activity of reading, Stories and Minds: Cognitive Approaches to Literary Narrative, 191-231 (2013).
17. Turnbull D., Chugh R., Luck J. Systematic-narrative hybrid literature review: A strategy for integrating a concise methodology into a manuscript, Social Sciences & Humanities Open, 7, 1-4 (2023).
18. Welte J.-B., Badot O., Hetzel P. The narrative strategies of retail spaces: a semio-ethnographic approach, European Journal of Marketing, 55(7), 2012-2036 (2021).
19. Danilova N.K. Narrativnye strategii v nemeckoyazychnoj maloj proze [Narrative strategies in german short fiction], Evolyuciya i transformatsiya diskursa. Samarskij universitet [Evolution and transformation of discourse. Samara University], 7, 85-94 (2022). [in Russian]
20. Gier K. Für jede Lösung ein Problem. (Bastei Lübbe, 2007, 304 s.). [in German]
21. Chizhova E.S. Vremya zhenshchin [Time for women]. (Astrel, SPb, 2009, 352 p.). [in Russian]
22. Heidenreich E. Männer in Kamelhaarmänteln. (Carl Hanser Verlag GmbH & Co. KG., 2020, 224 s.). [in German]
23. Vecherina A. Ispoved' motyl'ka [Confessions of a moth]. [Electronic resource] – Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=267393&p=108> (Accessed: 12.02.2024). [in Russian]
24. Gier K. Ein unmoralisches Sonderangebot. (Bastei Lübbe, 2014, 432 s.). [in German]
25. Draesner U. Eine Frau wird älter. (Penguin Verlag, 2018, 208 s.). [in German]
26. Cheremnova T.A. Trava, probivshaya asfal't [Grass breaking through the asphalt]. [Electronic resource] – Available at: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=93911> (Accessed: 10.02.24). [in Russian]
27. Chizhova E.S. Gorod, napisannyj po pamyati [City written from memory]. [Electronic resource] – Available at: http://loverad.ec/read_book.php?id=80391&p=1 (Accessed: 06.02.24). [in Russian]

28. Heidenreich E. Kolonien der Liebe. (Rowohlt Taschenbuch, 2005, 176 s.). [in German]
29. Stepanova M.M. Pamyati pamyati. Romans [Memory memory. Romance]. [Electronic resource] – Available at: http://loveread.ec/read_book.php?id=79662&p=1 (Accessed: 14.02.24). [in Russian]
30. Hajdenrajh E. Kolonii lyubvi [Colonies of Love]. [Electronic resource] – Available at: <https://libking.ru/books/prose-/prosecontemporary/378637-elke-haydenrayh-kolonii-lyubvi-sbornik-rasskazov.html#book> (Accessed: 01.03.24). [in Russian]
31. Gir K. Nepristojnoe predlozhenie [Indecent proposal]. [Electronic resource] – Available at: <https://knizhnik.org/kerstin-gir/nepristojnoe-predlozhenie/1> (Accessed: 10.03.24). [in Russian]
32. Gir K. Ya skazala pravdu [I told the truth]. [Electronic resource] – Available at: http://loveread.ec/read_book.php?id=15796&p=1 (Accessed: 17.03.24). [in Russian]

Сведения об авторе:

Зубенко Я.В. – кандидат филологических наук, старший преподаватель, Костанайский региональный университет им. А. Байтұрсынұлы, Костанай, Казахстан.

Зубенко Я.В. – филология ғылымдарының кандидаты, аға оқытушы, Ахмет Байтұрсынұлы атындағы Қостанай өңірлік университеті, Қостанай, Қазақстан.

Zubenko Ya.V. – Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University, Kostanay, Kazakhstan.

Copyright: © 2024 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).